

ОХОТА ЗА ТРОФЕЕМ

В этой статье, первой из серии, Шейн Махони изучает сложные и зачастую противоречивые взгляды на трофейную охоту, как охотников, так и остальных людей.

Эта Артемида-охотница вернулась домой после охоты в Британской Колумбии на оленя с переносными холодильниками, полными оленины, с воспоминаниями о трубном рёве быков и не сравнимых ни с чем красотах горных пейзажей. А также и с парой рогов, которые украшают сейчас стену её офиса и служат ежедневным напоминанием о потрясающем опыте, который она приобрела. Так была ли это «трофейная» охота?

Хотя охота и сама по себе представляет довольно противоречивое явление, но практически несомненно, что девятый вал самой жёсткой критики обрушивается на трофейную охоту. Даже среди охотников, с готовностью занимающихся преследованием животных и их добычей, трофейная охота иногда подвергается критике. Для общественного мнения она часто представляется искажением естественной активности, ведущим к потворству своим желаниям и легкомысленности. Но оправданы ли подобные характеристики и критика? Действительно ли мы способны определить сущность трофейной охоты настолько точно, чтобы утверждать, будто она стоит особняком от других форм охоты? Или же все мы, в той или иной степени, стремимся к одной и той же цели, будучи на охоте (или рыбалке)? В конце концов, может быть, наше употребление термина «трофейный» просто-напросто сбивает с толку как охотников, так и остальных людей по этому поводу?

Я был рождён в краях, где существовала культура охоты и рыболовства – та, в условиях которой люди рассчитывали на добычу дичи для пропитания в самом прямом смысле этого слова. Все охотники, с которыми мне довелось встречаться на Ньюфаундленде, охотились ради добычи мяса, поскольку оно было питательным, и дичь водилась в изобилии. В этом смысле я всегда считал себя охотником ради добычи мяса. Но каждый человек,

имеющий опыт охоты, знает, что это – нечто большее, чем обретение товара за гибельную пулю. Это стремление к чему-то, что может быть получено только в результате отчаянной гонки по следу, к чему-то гораздо менее осязаемому, чем плоть и кровь животного. И это полностью относится как к охотникам Ньюфаундленда с их непритязательными нарядами и стилем жизни, так и к любому состоятельному искателю приключений. И даже для аборигенов охота всегда значила больше, чем просто добыча хлеба насущного, причём независимо от того, насколько это было важно для их выживания.

Итак, вне зависимости от того, является ли добыча пропитания основной или второстепенной мотивацией для охоты, она всегда будет значить нечто большее для людей, чем просто добыча мяса.

И это – важный момент, ставящий под вопрос то чёткое различие, которое делают некоторые между охотниками по дичи и теми, кто охотится ради добычи «трофеев» или из «спортивных» видов (ещё один термин, который мне не близок). Охота – это сложный комплекс, и, как и многие остальные базовые занятия человечества, обладает большей значимостью, чем только механическая сумма составляющих её частей. Наперекор этой реальности, термин «трофейная охота» применяется и истолковывается некоторыми, дабы выделить некую особую форму охоты, где значение имеет лишь одно – добыть в коллекцию некую часть животного на память или просто зафиксировать событие добычи животного. В соответствии с такой извращённой логикой животное гибнет, чтобы удовлетворить раздутое самознание, заинтересованное только

в добыче, а не в преследовании; такое, которое способно оплатить свою дорогу к успеху дальней поездкой, купить право добычи редкого животного и нанять талант, необходимый для того, чтобы отыскать требуемую дичь и подставить её под выстрел. В таком малоприятном образе запечатлено убеждение в том, что охотник за трофеями и впрямь больше коллекционер, чем охотник; преследование животного не имеет значения, а плотью добычи он обычно пренебрегает. Но насколько такое представление соответствует истине? Отражает ли эта картина реальность? Я так не думаю, и совершенно уверен, что нам надо прояснить этот вопрос.

Разумеется, иногда некоторые аспекты вышесказанного могут быть справедливы в отношении трофейной охоты. Надо честно признать: не существует такой формы охоты (или, возможно, любой человеческой деятельности), которая всегда и во все времена была бы абсолютно чиста и целесообразна. Каждый охотник всегда представляет собой определённую личность. Под этим подразумевается то, что их мотивации вовсе не обязательно будут совпадать, равно как и уровни жизни, и подход к своей деятельности. Однако,

говоря о трофейной охоте, я нахожу несомненным то, что к ней существует несправедливое отношение в разных формах, и те, кто разделяет такое к ней отношение, похоже, больше всего озабочены самой природой трофейной охоты, а не её влиянием на природу. В связи с этим критика трофейной охоты как самими охотниками, так и остальными людьми, напоминает более распространённую оппозицию охоте в целом со стороны общества противников охоты. Ведь она сконцентрирована на мотивациях и соображениях охотников по поводу охоты, а не на самих животных. И это, как мне представляется, должно несколько беспокоить всех охотников, в том числе и тех, кто критикует трофейную охоту.

Основная проблема здесь может быть заключена в самом слове «трофейный». Ясно, что большая часть оценок отношения общественного мнения к охоте сразу же признаёт различие между охотой на дичь ради пропитания и отдыха и охотой для того, чтобы заполучить так называемый «трофей». Однако же, а что мы, собственно, обозначаем или понимаем под этим словом? Употребляемое критиками в негативном контексте, слово «трофей»

ДСК и ДЭФ

Такие организации, как Dallas Safari Club и Dallas Ecological Foundation («*Экологическая Ассоциация Далласа*»). - Прим. перев.), активно занимаются восстановлением и защитой мест обитания диких животных и дикой природы в целом путём организации и поддержки различных природоохранных, образовательных и информационных программ. Dallas Ecological Foundation разработала и осуществляет образовательную программу «Приключения на воле», которая ежегодно охватывает более 12 500 студентов. Эта программа делает навыки жизни в дикой природе неотъемлемой частью физической подготовки. Подробности на сайте www.biggame.org.

подразумевает нечто самое крупное, самое лучшее, самое редкое, уникальное, добываемое с целью вернуться домой с какой-то частью взятого животного, чтобы повесить её на стене и восторгаться собой, трофей ассоциируется с элитарностью и чем-то схожим со спортивной наградой, знаменуя победу над конкурентами в соревновании. Но ведь дело в том, что охотники не занимаются спортивными играми, а соревнуются они только сами с собой. И более того, – весьма редко кто-то из них озабочивается исключительно тем, что он привезёт с собой по возвращении, то есть мясо там или что-то ещё другое. А их так называемые «трофеи» представляют собой, в действительности, всего лишь сувениры на память: щиток с рогами или клыками – это памятные зарубки, по которым охотник вновь возвращается к пережитому во время охоты опыту и при помощи которых он может передать его остальным. В этом смысле эти вещи являются не большими трофеями, чем свадебная фотография или пинетки ребёнка.

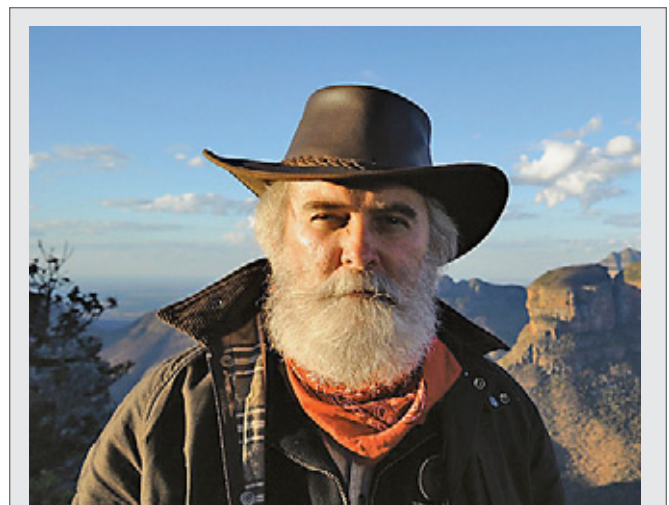
Тем не менее, именно из-за этого желания сохранить свои воспоминания столько охотников собирают различные примечательные доказательства дней своего пребывания в полевых условиях и особенно тех охот, во время которых им удавалось взять добычу. Эти «мемории» могут быть самыми разнообразными, и часто – неприметными, но всегда – очень личными, так же, как и всё, связанное с охотой. Над многими рыбацкими ангарами на Ньюфаундленде можно увидеть водружённые лосиные рога, потрёпанные непогодой и крепко приколоченные к грубо обструганным доскам. Эти выбеленные ветром и солью образцы представляют собой «трофеи» ничуть не хуже чучела орикса в полный рост в коллекции состоятельного человека. Это сберегаемые объекты и видимое напоминание о великольном животном – уважительное и памятное.

Сколько же раз я поглядывал вверх или прикасался к рогам лося, давно ушедшего в небытие, вспоминая, где и когда я добыл его? Сколько раз я становился свидетелем того эффекта воздействия на людей, когда воспоминания о своих прошедших охотах заставляли их прекратить свою возню с сетями или лодками и описывать день, место и животное, которое они преследовали, добыли и принесли домой? И они не были ловцами славы или конкурентами в любом смысле – просто охотники, которые иногда посматривали вверх, на эти рога, и вспоминали, и были рады, если кто-то ещё заинтересовался их историей о давно покинувшем этот мир животном. И что, они тоже «трофейные»

охотники? Если мы настаиваем на сохранении этого слова в нашем словаре, то ответ будет положительным, по крайней мере, частично, поскольку они взяли трофей, эту свою «меморию», домой. Точно так же, как и те охотники, что хранят перья индейки, или рог оленя – «спайка», или клык, или шкуру добытого ими животного. Или, для такого случая, как те, кто ведёт фотолетопись своих охот – так что многие, многие из нас коллекционируют трофеи своих охот.

Итак, невозможно дифференцировать охотников по признаку того, собираются ли они привезти домой с охоты материальные памятные свидетельства своего пребывания в поле или же нет. В этом смысле было бы значительно легче определить, кто не является «трофейным» охотником, чем наоборот. К тому же многие так называемые «трофеи» принадлежат животным, не являющимся редкостью, уникалом в своём роде, или представляющих ценный объект охоты.

В моих последующих статьях будет рассказано о том, что существует ещё немало и других ошибочных представлений о трофейной охоте, которые следует опровергнуть, и, как покажут доказательства, это вполне возможно.

Шейн Махони

Родившийся и выросший на Ньюфаундленде Шейн Махони – биолог, писатель, охотник, рыбак, лектор с международной известностью по проблемам окружающей среды и сохранности биоресурсов. Он также работает экспертом в организации «Норт Америкен Консервейшн Модел», занимающейся охраной дикой природы Северной Америки.

ЛУЧШИЙ ВЫСТРЕЛ РОЯ РОДЖЕРСА

СЕНТЯБРЬ 1951 ГОДА

Примечание редактора: Рой Роджерс, «Король ковбоев», был заядлым стрелком и охотником, как и его жена, Дэйл Эванс, «Королева Запада». Роджерс был одним из самых хорошо оплачиваемых звёзд вестернов и телевидения, когда он написал эту статью для Sports Afield, опубликованную в сентябрьском номере журнала за 1951 г.

На стене оружейной комнаты в моем голливудском доме появилась новая голова оленя, которая всегда будет напоминать мне о самом лучшем и удачном выстреле при охоте на крупную дичь, сделанном мною за почти 20 лет охоты.

Это голова хорошего самца с двумя отростками рогов на каждой стороне, которого я уложил в прошлом октябре в горах Невады, как раз у границы штата у Дойла, Калифорния. Олень преодолевал рысью два горных хребта, на один из которых мы взбирались в течение 45 минут напряжённого подъёма. И хотя он был далеко от нас, примерно в 400–500 м, а возможно, даже и дальше, но можно было видеть, как его тяжёлые рога рисовались на вечернем небе.

Все мы начали спешно палить навскидку: моя жена, Дэйл Эванс, Дик Дикинсон, наш хозяин ранчо, и Мел Уильямс из Мэрисвилля, штат Калифорния. Благодаря четырёхкратному прицелу моего «винчестера» 70-й модели я мог видеть, что их пули взвихрили снег у ног оленя, который вскопал на скалистый склон, чтобы укрыться в кустарнике ярдах в двадцати от него. Моя винтовка калибра .270 была пристреляна на 300 м. Я установил перекрестье прицела на высоту около двух футов над головой оленя, хорошо прицелился и нажал на спуск. Я видел, как олень пошатнулся, но затем оправился и скрылся в укрытии до того, как кто-либо из нас успел произвести повторный выстрел.

Нам потребовалось полтора часа, чтобы добраться до того места, где он исчез. Там были капли крови на снегу рядом с его следами, и мы нашли его мёртвым на расстоянии около 50 м в кустах, как раз на пике. Экспансивная пуля весом 130 гран ударила его довольно высоко, как раз под левую лопатку; и даже при том, что выстрел был произведён с большого расстояния, на правой стороне образовалось выходное отверстие размером с мой кулак.

Охота для меня является почти второй натурой. Дейл и я отправляемся в поход при любой возможности. Мы оба добыли по медведю прошлой осенью в краю Хай Сьерра. Мы охотились на них с собаками. У меня есть прекрасная свора охотничьих собак, которую я содержу с моим близким другом по охоте, работающим проводником в Хот Спрингс, Калифорния. Он написал мне недавно, что с помощью собак на протяжении последнего сезона было добыто 25 медведей. За год до этого их рекорд составил 23 косолапых. Их у нас четверо, и все они – хорошие собаки. Одной паре из них задал хорошую трёпку медведь, которого мы добыли. Дейл выстрелила в него, но он ещё был готов к борьбе, когда подошли собаки. Медведь мог бы

и убить их, если бы мне не повезло с удачным выстрелом, который свалил его. Хороший чёрный медведь, весом около трёхсот фунтов.

Я не могу сказать, что я предпочитаю какой-то один вид охоты – мне нравятся все её виды. Если вспомнить Огайо, где я вырос на ферме, то там охота является обычным делом, которое вскоре переходит в привычку. Хорошую привычку, конечно. Это идет вам на пользу, позволяя время от времени убраться прочь от запахов и шума города. Нам нравится предпринимать охотничьи выезды, но на самом деле мы настолько заняты, что у нас не так много времени для этого сейчас. Увы, совсем не столько, сколько нам хотелось бы.

Мы стараемся никогда не пропускать утиной охоты. Для этого мы обычно отправляемся в Мэрисвилль. Если мы можем этим заняться, мы идем на голубей и перепелов, подальше на юг. Лучшая для нас охота была на знаменитом Королевском ранчо в Техасе. Туда нас пригласил Дик Клеберг, владелец ранчо, и мы охотились на всё, включая диких индеек и пекари. Это, конечно, огромное место, миллион акров глуши. Представьте себе, расстояние между двумя конторами ранчо составляет 76 миль.

Я также люблю ставить ловушки. В окружающих Лос-Анджелес горах водится много хищников, и ловля их – это хороший спорт и физические упражнения. Мои друзья и я отлавливали дюжины рысей и койотов. Я пытался приручить пойманного енота, но из этого ничего не вышло, он стал агрессивным, и мне пришлось убить его. Однажды мне попался енот без правой лапы. Он был таким, когда я его поймал. Видимо, он потерял лапу в другой ловушке.

На моей стене есть также небольшой барсук, который превратил в обезьян четырёх моих собак. Барсук невелик и коренаст, но очень сильный и быстрый. Его шкура болтается свободно, и он может провернуться в ней, когда его хватает собака, и вцепиться в собачью морду. Этот барсук проделал такой трюк с четырьмя из шести моих собак, пока, наконец, в дело не вмешалась моя большая старая собака по кличке Ред, и не прикончила его.

Я думаю, что стрельба по тарелочкам также очень интересна, но реальная вещь лучше, и у меня нет достаточно времени для обоих занятий. Забавный случай произошел со мной на стенде Алекса Керра. Первый и единственный раз я был там и показал крутизну, разбив 25 тарелочек из 25 возможных. Я выиграл один из призов, которые Алекс выставил для стрелков, набор джемов и желе. С тех пор, естественно, я не возвращался туда. Ведь я всё ещё забочусь о своей репутации.

Рой Роджерс